

6. Ильин И. А. О сопротивлении злу силой: сочинения в 2-х т. / И. А. Ильин // Ильин И.А. – М., 1993. – Т. 1.
7. Ильин И. А. О сущности правосознания: соч. в 2-х т. / И. А. Ильин // Ильин И. А. – М., 1993. – Т. 1.
8. Монтескье Ш.-Л. Размышление о причинах величия и падения римлян / Ш.-Л. Монтескье // Ш.-Л. Монтескье. Избранные произведения. – М., 1955.
9. Петрашевский М. В. «Органическая эпоха» / М. В. Петрашевский // Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. – М., 1953.
10. Потестарность: генезис и эволюция. – СПб., 1997.
11. Соловьев В. Три разговора: сочинения в 2-х томах / В. Соловьев. – М., 1990. – Т. 2.
12. Сочинения и письма П. Я. Чаадаева / под ред. М. О. Гершензона. – Т. 2.
13. Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. – М., 1953.
14. Фонвизин Д. И. Рассуждение о непременных государственных законах / Д. И. Фонвизин // Русская философия собственности. – СПб., 1993.
15. Фонвизин М. А. Обзорение проявлений политической жизни в России / М. А. Фонвизин, Библиотека декабристов. – Вып. 4. – М., 1907.
16. Франк С. Л. Духовные основы общества / С. Л. Франк // Русское зарубежье. – Л., 1991.

Хомелева Р. А. Образ влади в російській національній свідомості (досвід реконструктивного аналізу)

Проведений аналіз є продовженням наукової дискусії про концепт «російської влади». Досліджуються особливості концепту «російська влада» на основі релігійно-філософської спадщини вітчизняної філософської науки. Необхідність наукової реконструкції ідеї російської влади звертає нас до традицій російської духовної філософської спадщини, щоб дати пояснення новим смисловим дефініціям російської влади на шляху пошуку власної національної ідентичності.

Ключові слова: російська філософія, влада сили, влада насильства, сильна влада, органічна влада, влада любові, соборність, православ'я, духовність, гуманізм.

Homeleva R. A. The idea of political power within russian national consciousness (an experience of reconstructive analytical work).

This analytical work represents itself to be the sequential development of scientific discussion over the concept of «Russian political power». The distinguishing features of «Russian political power» concept are being studied on the basis of national religious and philosophical heritage. The necessity for

УДК 930.1

О. Н. Швец

Университет Марии Кюри-Склодовской (г. Люблин)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНДИВИДУАЛИЗМ ДЖОНА УОТКИНСА И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИСТОРИОПИСАНИЯ

Предпринята попытка анализа философско-методологической концепции Джона Уоткинса и оценка перспектив ее прикладного использования в современной исторической науке. Выстроенные параллели позволяют убедиться в актуальности философско-методологических конструкций полувекковой давности. Обращение к концепции методологического индивидуализма Джона Уоткинса и использование ее прикладного аспекта может стать благодатным дискуссионным полем в современном историописании.

Ключевые слова: методологический индивидуализм, методологический холизм, Джон Уоткинс, философия истории, методология истории, новая история, история культуры.

Временами необходима вдумчивость гений, чтобы обнаружить, выделить и четко сформулировать предполагаемые предпосылки, необходимые для выяснения определенной общественной закономерности.

Джон У. Н. Уоткинс

Историописание в его широком понимании, будучи

scientific reconstruction of the idea of Russian political power brings us to a tradition of Russian spiritual and philosophical heritage in order to give an explanation for the new meaningful definitions of Russian authority, while on the road to find our own national identity.

Keywords: Russian philosophy, the power of force, the power of violence, strong authority, organic political power, the power of love, fellowship, orthodoxy, spirituality, humanism

References

- Alyushin, AL & Porus, VN 1989, *Vlast i «politicheskiy realism» (povedencheskie kontseptsii vlasti v politicheskoy nauke SShA)* [Power and «political realism» (behavioral concept of power in political science USA)], Vlast, Moskov.
- Aristotel, 1975a, *Metafizika* [Metaphysics], Soch. v 4-h tomah, V.1. Moskov.
- Aristotel, 1975b, *Politika* [Politics], Soch. v 4-h tomah, V.4. Moskov.
- Berdyayev, NA 1991, *Filosofiya neravenstva* [Philosophy inequality], Russkoe zarubezhe, Leningrad.
- Filosofskie i obschestvenno-politicheskie proizvedeniya petrashevtssev* [Philosophical and socio-political works Petrashevists], 1953, Moskov.
- Fonvizin D. I., 1993, *Rassuzhdenie o nepremennykh gosudarstvennykh zakonah* [Discourse on the indispensable state laws], Russkaya filosofiya sobstvennosti, St Petersburg.
- Fonvizin, MA 1907, 'Obzrenie proyavleniy politicheskoy zhizni v Rossii' ['Review of the manifestations of political life in Russia'], *Biiblioteka dekabristov*, Vyp.4, Moskov.
- Frank, SL 1991, *Duhovnyie osnovyi obschestva* [Spiritual foundations of society], Russkoe zarubezhe, Leningrad.
- Ilin, IA 1992, *Nashi zadachi* [Our task], Parizh-Moskov.
- Ilin, IA 1993a, *O soprotivlenii zlu siloy* [On the resistance to evil by force], Sochineniya v 2-h t., V.1, Moskov.
- Ilin, IA 1993b, *O suschnosti pravosoznaniya* [On the essence of justice], Sochineniya v 2-h t., V.1, Moskov.
- Monteske, ShL 1955, *Razmyshlenie o prichinah velichiya i padeniya rimlyan* [Thinking about the reasons for the fall of the Roman grandeur], Izbrannyye proizvedeniya, Moskov.
- Petrashkevskiy, MV 1953, 'Organicheskaya epoha' ['Organic era'], *Filosofskie i obschestvenno-politicheskie proizvedeniya petrashevtssev*, Moskov.
- Potestarnost: genезis i evolyutsiya* [Potestarian: genesis and evolution], 1997, St Petersburg.
- Solovev, V 1990, *Tri razgovora* [Three Talk], Sochineniya v 2-h tomah, V.2, Moskov.
- Sochineniya i pisma P. Ya. Chaadaeva* [Essays and letters of P. Chaadaev], V.2.

Надійшла до редколегії 15.05.2013 р.

зависимым от влияния большого количества факторов, всегда становилось предметом широких дискуссий и противоречий. На формирование концепции исторического нарратива непосредственное влияние оказывают такие факторы, как эпоха, мировоззрение историка-нарратора и «заказчика истории», актуальная философско-методологическая парадигма и многие другие факторы. Преобладание того или иного фактора

постоянно меняется: каждая эпоха диктует свои требования. Временной отрезок, переходя из настоящего в прошлое, наполняет не только каждый момент прошлого, но также каждый момент настоящего новым подходом и актуальной философией историописания.

Сложные политические, идеологические, социально-культурные процессы XX столетия привели к изменению философско-методологической парадигмы в социальных и гуманитарных науках. Важным этапом этих изменений явилось формирование в мировой историографии «новой истории», проделав длительный путь становления в спорах и дискуссиях, эволюции, принятия и практического применения историками во всем мире. Сложный путь историописания, начиная с середины XX века от «новой истории» через «новую социальную историю» к «новой культурной истории», микроистории и «новой биографической истории» открыл историком возможность понимания, восприятия и писания истории с новой перспективы. Последние десятилетия внимание историков притягивает «экзистенциальный опыт отдельных людей, тех, кто до этого момента был выключен из традиционной истории» (Iggers 2010, p. 13–14) [3, с. 13–14], в то время как безличная история теряет свои позиции. Прежде всего, новые возможности открылись тем исследовательским направлениям, для которых приоритетом являются человек и категория культуры.

Исследование истории культуры связано для историка с определенными трудностями. Кроме традиционных детерминантов, присущих политической истории, таких целенаправленность, идеологичность, неперсонифицированность, преобладание общего над частным и т.д., дополнительные сложности в изучении истории культуры создают внутренняя иррациональность, трансцендентность, спонтанность и личностные намерения историка-нарратора. В отличие от ярко выраженной субъектности событий политической истории, которым, как правило, сопутствуют такие объекты исследования как идеология, конкретные политические цели, их реализация и последствия, культурная история зачастую остается в тени больших политических игр, занимая второстепенные и малозаметные позиции. В свою очередь, культура обеспечивает сохранение исторической непрерывности, дает возможность непосредственного обращения к прошлому, фактически культура содержит в себе целостную историю, одновременно являясь ее отображением. Культура зачастую сама создает новые контексты и подходы к ее изучению, новый взгляд на прошлое, тем самым, предопределяя новые этапы в развитии человека, социальных групп, наций и государств.

Культура в историческом контексте, будучи отображением прошлого с интенцией будущего, является благодатным исследовательским полем, позволяя воспринимать и исследовать не только непосредственно историю культуры, но, прежде всего, историю политических, социальных, экономических процессов. Кроме того, именно обращение к проблемам истории культуры, к категориям культуры может стать проводником новых тенденций в современной историографии. Сегодня наряду с расцветом микроисторических исследований, вырос интерес к макроперспективе глобальной истории, ориентированной на изучение экологических, эпидемиологических, демографических, культурных и интеллектуальных последствий развития глобальных взаимосвязей за последние полтысячелетия (Repina 2010,

p. 10) [1, с. 10].

Обращение к проблемам изучения истории культуры требует от исследователя тщательно и скрупулезно подобранного методологического подхода, который, с одной стороны, обеспечит возможность беспристрастного взгляда «со стороны», а с другой – откроет исследователю возможность диалога с изучаемым прошлым. Погружаясь в процесс историописания, современный историк обязан ориентироваться в широком методологическом поле гуманитарных и социальных наук. Интердисциплинарность уже несколько десятилетий представляет собой неотъемлемую характеристику состояния современного социально-гуманитарного знания (Repina 2010, p. 12) [1, с. 12], приобретает все большую популярность и в исторической науке. Историки активно и с большим успехом используют достижения смежных наук, расширяя методологическую и предметную основу исторического исследования. В связи с этим, чрезвычайно важным и актуальным становится обращение к истокам современных методологических подходов.

Активное развитие научных исследований, увеличение академических учреждений, как следствие, резкое увеличение разнообразных научных подходов, парадигм, теорий и гипотез создало необходимость их философского осмысления, критериев и способов верификации. Середина XX столетия характеризуется всплеском фундаментальных исследований во всех областях науки, что привлекло внимание философии к проблемам науки и методологии научного знания. В числе выдающихся представителей данного направления необходимо выделить выдающегося английского философа и методолога науки Джона Уоткинса, представителя школы аналитической философии науки, сформировавшейся вокруг Карла Поппера в 50-х гг. XX столетия в Великобритании.

Научное наследие Дж. Уоткинса малоизвестно украинским и российским исследователям. Как правило, информация об ученом ограничивается упоминанием о нем, как об авторе термина «методологический индивидуализм», а вместе с тем, Дж. Уоткинс внес огромный вклад в развитие философии науки, методологии науки, социальной философии, что во многих аспектах определило развитие социально-гуманитарного знания во второй половине XX в., оставаясь актуальным и сегодня.

В данной статье предпринята попытка анализа философско-методологической концепции Джона Уоткинса и оценка перспектив его прикладного использования в современной исторической науке.

Теоретизирования и философствования Джона Уоткинса над проблемами методологии науки вылилось в формирование концепции методологического индивидуализма. Методологические решения, предложенные Уоткинсом, позволяют исследователю погрузиться в методологию исследования и указывают на скрытые ловушки и достоинства того или иного методологического подхода.

Согласно теории Дж. Уоткинса, каждый методологический подход в рамках социально-гуманитарной науки содержит в себе два ключевых основания: доминирование личностных предпочтений над общественными (индивидуализм) либо, наоборот, преобладание, априори заложенных общественных идеалов над интересами и взглядами личности (холизм). Антагонистичное противостояние индивидуализма и

холизма, утверждает Уоткинс, появилось в философии еще задолго до XX столетия и берет свое начало в практической социальной жизни. Целью Уоткинса не является разрешение спора между индивидуализмом и холизмом. По его мнению, данное противостояние не разрешено и возможности его разрешить нет. По мнению польского исследователя научного наследия Уоткинса А. Хмелевского, главной задачей Уоткинса является определение «...правил адекватного изучения сферы людской жизни» (Chmielewski 2001, p. 11) [2, с. 11], которые, с одной стороны, дают возможность объективного описания и исторического анализа, а с другой – открывают возможность прогнозирования и планирования изменений в обществе.

Расширяя теоретические и эмпирические возможности своих рассуждений, Уоткинс вводит понятие «идеальный тип». Оперирование данной терминологией позволяет ему перенести спор между холизмом и индивидуализмом из практического поля в методологическое. Конструирование идеальных моделей и ранее часто использовалось в социальных науках, так как позволяло создавать целостные конструкции видения мира. В частности, результатом подобных конструирований явились социальные утопии. Дж. Уоткинс использует идеальный тип в качестве метода изучения отдельно взятых событий, не создавая единой концепции мира. Он подчеркивает, что конструирование идеальных типов совершенно необходимый этап научного исследования, так как «используя в частном историческом исследовании идеальных типов *ad hoc* необходимо их постоянно дополнять, пока они не перестанут быть идеальными конструкциями исторических событий и станут эмпиричными реконструкциями» (Watkins 2001, p. 52) [5, с. 52]. Уоткинс считает, что главной задачей историка становится теоретическая реконструкция исторических событий, которая позволяет максимально далеко отойти от идеализма и психологизма.

Источники концепции идеального типа Уоткинс ищет в марксистском и веберовском понимании истории. В рамках концепции К. Маркса идеальным типом были определенные отношения социальных групп (классов), которые априори играли решающую роль в историческом развитии. В этих отношениях по определению было заложено противоречие. В свою очередь, М. Вебер остается на позиции понимания общества как динамично развивающейся структуры и переносит суть динамичности из материальной сферы в сферу культуры. В марксистской концепции истории, как, впрочем, и веберовской теории, ключевой является идея создания истории как целостности, во имя которой можно пренебречь объективностью научного знания. Концепция целостности закладывает возможность выхолащивания каждого конкретного эмпирического факта и объяснения его в рамках идеальной целостности (Iggers 2010, p. 62) [3, с. 62]. В отличие от Маркса, который в подробностях описывает отношения социальных групп, Вебер видит в этих отношениях лишь социальный механизм, не определяя их эмпирические особенности. Идя вслед за Вебером в своих рассуждениях, Уоткинс остается в рамках концепции идеальных типов, но в тоже время отделяет идеальные типы от конкретного содержания и сосредотачивается на методологических особенностях. Уоткинс в своей теории познания оставляет лишь способ теоретического восприятия общества – холистический и индивидуалистский, отказываясь от элементов марксистской теории,

таких как прогресс, диалектика, детерминизм. Такая исследовательская позиция обеспечивает Уоткинсу возможность вписываться в рамки доминирующей в тот период парадигмы социально-гуманитарного знания и традиции историописания, но в то же время оставаться в благодатном поле методологической дискуссии.

Обновление и изменение миропорядка после Второй мировой войны, требовало изменений и в науке. Гуманитарные науки и научное знание об обществе нуждались в смене философско-методологической парадигмы восприятия и изучения мира, что активизировало поиски ответов на требования времени. Методологическое поле, которое очертил для себя Уоткинс, позволяет ему сравнивать исследовательские подходы к изучению истории, что, в свою очередь, открывает ему широкие возможности для поиска новой парадигмы.

В создании нового подхода к изучению истории для Уоткинса ключевым моментом является критика методологического холизма, т.е. понимание общества как единого целого. Методологическому холизму Уоткинс вменяет изучение природы социальных явлений «априори». Под изучением «априори» философ понимает такой подход к изучению, которые применяется в естественных науках, где принцип деятельности можно выявить на основании простой модели автоматического генератора – изменения его показателей будут меняться в случае изменения определенных внешних факторов (Watkins 2001) [5]. Уоткинс утверждает, что в случае исторического исследования нельзя обнаружить один главный принцип и даже очертить круг доминирующих принципов. Ученый отмечает, что «изучая социальные явления, нельзя удовлетвориться обнаружением какого-либо фактора, который мог бы в неопределенном времени явиться следствием неопределенной интенсивности, так как в любой конкретной ситуации это следствие могло бы быть вызвано совершенно другими факторами» (Watkins 2001, p. 43) [5, с. 43].

Кроме того, Уоткинса выделяет еще ряд негативных последствий изучения социальных явлений «априори».

Эпистемологическая ограниченность. Изучение событий возможно только с помощью включения его в определенную модель – принцип. В случае отсутствия возможности эффективной интерпретации события в рамках данного принципа есть только два подхода к его трактовке – отрицание (игнорирование) события либо его отрицание. Проявлением первой возможности является ограничение изучения истории исключительно до детерминированной истории.

Новые исследовательские проблемы, актуализовавшиеся и развивающиеся в рамках парадигмы «новой истории» в ее широком понимании, в том числе истории культуры, истории повседневности, гендерной истории, микроистории и т.д. оставались в рамках общей политической истории были бы отвергнуты или не замечены. Ярким примером отрицания события является теория Р. Коллинвуда. Основополагающим методологическим требованием, выдвигаемым Коллинвудом к науке о событиях, является так называемый принцип рациональности, суть которого состоит в тщательном программировании исследований, которые будут подтверждены историческим материалом (историческим свидетельством), в рамках гипотезы, сформулированной до этого (Zdybel 1997, p. 97) [7, с. 97]. Следовательно, факты, не достигшие своей цели, объяснить рационально невозможно, так как они не могут

подтвердить или опровергнуть гипотезу (Watkins 2001, pp. 71–76) [5, с. 71–76].

Априорность. Изучение истории не связано тесно с событиями и нарративом, а априори является заложенным детерминизмом. События интерпретируются как факт, подстраиваемый к априорному утверждению.

Идеологичность. Каждый принцип включает в себя определенные идеологические, а значит, ограниченные в рамках определенных ценностей, убеждения, которые не позволяют всесторонне описывать мир.

Уоткинс утверждает, что «холистический идеальный тип не является абстрактным предположением на тему действительности, а только есть априорным словесным образом или иначе – дефиницией» (Watkins 2001, p. 29) [5, с. 29]. В данном случае утверждение Уоткинса созвучно с концептуально важной идеей Х. Уайта о разграничении события и факта. Уайт отмечает, что «событие фактически имеет место. Из событий, которые имеют место, создаются «факты», утверждения об этих «событиях». Однако события принадлежат к ряду вещей, «факты», в свою очередь, к ряду языка, асертивности и суждений (White 2010, p. 34) [6, с. 34]. Разделяя действительность и дефиницию, Уоткинс приходит к выводу о необходимости иного подхода к изучению истории, основанному на концепции методологического индивидуализма.

По мнению Уоткинса, с одной стороны, индивидуалистический идеальный тип должен избежать всех слабых сторон холистического идеального типа, а с другой – должен находиться в рамках концепции идеальных типов. Уоткинс указывает на то, что «индивидуалистический идеальный тип строится на основании наблюдения за ситуацией аутентичных людей и через абстрагирование ими: (а) общих схем личностных предпочтений; (б) разных типов знаний, которыми может быть наделен человек в конкретной ситуации, (в) разных типов зависимости между людьми, также между конкретным человеком и возможностями» (Watkins 2001, p. 27) [5, с. 27]. Таким образом, человек, наделенный собственными намерениями (интенциями), отождествляется с действующим субъектом, а, следовательно, он может влиять на события истории. Кроме того, речь идет о фиксации необходимости учета особенностей мировоззрения конкретного человека – участника конкретных исторических событий. Действия человека в рамках данной концепции ограничены отношениями между людьми.

Основная методологическая разница между холизмом и индивидуализмом состоит в принципиально важном изменении исследовательского метода – дедукции на индукцию. Концепция методологического индивидуализма Уоткинса основывается на принципах индукции и общественного индивидуализма. В рамках холистического подхода изучение истории априори детерминировано событиями и остается в иллюзии прошлого. Использование метода индукции открывает новые перспективы в изучении исторического источника, а вместе с тем, возможность интерпретации событий и создания исторической целостности с новой перспективой.

Принципиально важным аспектом методологического подхода Дж. Уоткинса является индивидуалистическая интерпретация общества. В значительной степени философ отрицает понимание общества как живого организма. В концепции Уоткинса общество, прежде всего, «... состоит только из людей, которые

поступают в меру разумно и которые взаимно, прямо и опосредованно воздействуют друг на друга различным образом, в меру понятными способами» (Watkins 2001, p. 37) [5, с. 37]. Понимаемому таким образом обществу несвойственны активность и намерения. В подобной ситуации единственным фактором, который определяет общественное развитие, является человек. Уоткинс исключает возможность существования внутреннего прогресса и заложенных тенденций развития. Общественные изменения, которые историками интерпретируются как общественные тенденции, как правило, возникают как результат непреднамеренной деятельности человека и его личных намерений.

Дж. Уоткинс приходит к весьма интересному выводу о том, что «... понимание сложной общественной ситуации всегда появляется из знания о диспозициях, убеждениях и взаимных отношений людей. Ее внешние характеристики можно констатировать эмпирическим путем, а их изучение состоит в доказательстве того, что они являются результатами действий людей» (Watkins 2001, pp. 37–38) [5, с. 37–38]. Размышляя о человеке и его действиях, Уоткинс принимает позицию аналитической философии истории. В рамках его методологических принципов каждый человек имеет определенную цель и находится в определенной объективной ситуации, а потому оценивает ее, выходя из своих собственных целей. Кроме того, согласно концепции Уоткинса, оценка ситуации может быть правильной или неправильной. Принцип рационализма в философии Уоткинса гласит, что действия человека зависят от целей, реализуемых при условии индивидуального видения ситуации конкретным человеком. Понимание того, что изучение истории невозможно лишь посредством личных намерений и человеческого сознания, Уоткинс дополняет классические принципы рационализма идеей о том, что история объясняется не только человеческими действиями, но также посредством внешней ситуации. Таким образом, изучение истории является двунаправленным процессом, т.е. соединяет внутренние механизмы действий человека (установки, ценности, мотивация) и внешние влияния (общественные, культурные, политические, идеологические факторы).

Уоткинс отстаивает принципы рационализма и показывает различные возможности их применения, но в результате, приходит к выводу, что процесс принятия решений невозможно реконструировать целиком. Подобная реконструкция является лишь внешней интерпретацией прошлого, а не конструированием исторического события. Философ подчеркивает, что «... логически невозможно, чтобы структуру процесса принятия решений было бы возможно в полной мере выразить, так как каждое утверждение имеет огромное количество логичных последствий» (Watkins 2001, p. 123) [5, с. 123].

Дж. Уоткинс стремился приспособить существующий методологический подход к требованиям времени. В центре его поисков – человек. Понимание человека, как действующего элемента исторических событий, позволило философу привлечь в качестве нового компонента изучения истории знания, намерения, мотивацию человека. Таким образом, концепция Уоткинса вписывается в общие тенденции методологических поисков в гуманитарных и социальных науках, которые, в конечном итоге, привели к смене научно-философской парадигмы посредством лингвистического поворота. В своих рассуждениях Уоткинс также затрагивает проблему

личности историка, его мировоззренческих позиций и их роли в изучении истории. Философ справедливо обращает внимание на то, что историк в независимости от своих методологических предпочтений остается в рамках собственного видения исторической ситуации, своих убеждений и иллюзий. На современном этапе развития исторической науки проблема отношений историка с предметом его исследований по-прежнему остается чрезвычайно актуальной. Мировоззрение историка, его профессиональные знания, знания о мире, ценности и убеждения, ментальные установки играют принципиально важную роль в изучении истории и определяют современные тенденции и тренды историописания. Как верно отмечает Д. Р. Келли, «... история – это то, что делают и чего достигли историки» (Kelley 2009, p. 270) [4, с. 270].

Уоткинс обращается к проблемам изучения исторических явлений, которые функционируют за границами персонифицированной истории, но оказывают на нее влияние. Философ отмечает, что историк в рамках методологического индивидуализма старается, «...объяснить макроскопические следствия как непосредственные, неожиданные, сложные результаты индивидуальных факторов, среди которых каждый отдельно взятый может быть непохожим друг на друга» (Watkins 2001, p. 66) [5, с. 66]. Данное положение закладывает редукцию макроструктур истории к изучению элементов, создающих целостность и пересечение смысловых границ глобальной истории, и фиксирует тесную связь и взаимозависимость между целостностью и ее элементами. Размышления Уоткинса в этом направлении созвучны активным методологическим поискам и исследованиям как в рамках микроистории, так и макротенденций историописания.

Методологическая концепция Уоткинса, соответствующая запросам времени, в целом оставалась в рамках принципов идеального типа. Уоткинс, ограничивая свои поиски принципами рационализма, остается на уровне метатеории и не делает следующих шагов в сторону расширения практического применения методологического индивидуализма. Однако с другой стороны, теоретизирование Уоткинса являются благодатным предметом для размышлений в рамках современного историописания. Использование его концепции индивидуалистического идеального типа позволяет историку избежать ловушек субъективизма и собственных ментальных предпочтений в изучении и написании истории.

Бibliографические ссылки

1. Репина Л. П. Теоретические новации в современной историографии / Л.П. Репина // Харьковський історіографічний збірник. – Випуск 10. – 2010. С. 10-40.
2. Chmielewski A. Holizm i indywidualizm w naukach społecznych / A. Chmielewski // John W. N. Watkins. Wyjaśnienie historii. Indywidualizm metodologiczny i teoria decyzji w naukach społecznych. – Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2001.
3. Iggers G. G. Historiografia XX wieku. Przegląd kierunków badawczych / G. G. Iggers. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2010.
4. Kelley D. R. Granice historii. Badanie przeszłości w XX wiek / D. R. Kelley. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2009.
5. Watkins J. W. N. Wyjaśnienie historii. Indywidualizm metodologiczny i teoria decyzji w naukach społecznych / J. W. N. Watkins. – Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2001.

6. White H. Poetyka pisarstwa historycznego / H. White. – Kraków: Universitas, 2010.

7. Zdybel J. Filozofia Robina George'a Collingwood / J. Zdybel. – Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1997.

Швевць О. М. Методологічний індивідуалізм Джона Уоткінса і проблеми сучасного історіє писання

Зроблена спроба аналізу філософсько-методологічної концепції Джона Уоткінса і оцінка перспектив її практичного використання в сучасній історичній науці. Вибудовані паралелі переконливо показують в актуальності філософсько-методологічний конструкції розроблених п'ятдесятирічної давності. Звернення до концепції методологічної індивідуалізму Джона Уоткінса і її використання на практиці може стати благодатний дискусійним полем в сучасному історіє писанні.

Ключові слова: методологічний індивідуалізм, методологічний холізм, Джон Уоткінс, філософія історії, методологія історії, нова історія, історія культури.

Shvets O. Methodological individualism of John Watkins and the modern issues of writing history

Complex political, ideological, social and cultural processes of the 20th century have resulted in the change of the philosophical and methodological paradigm of the social and humanitarian knowledge. An important stage of these changes is creation of «modern history» in the world historical science and its following branches «modern social history», «modern cultural history», microhistory, «modern biographical history». New opportunities have opened for the lines of research focused on the human being and categories of culture. Such researches require careful selection of the methodological approach. Therefore, recourse to the origins of the modern methodological approaches is becoming actual, in particular to the concept of the English philosopher and science methodologist John Watkins who founded the concept of the methodological individualism. The article makes an attempt to analyze the philosophical and methodological concept of J. Watkins and to estimate the prospects of its application in the modern historical science. According to Watkins' theory, each methodological approach within the framework of social and humanitarian science comprises two key groundings: individualism and holism. J. Watkins introduces the notion of «ideal type» that enables him to move the controversy between individualism and holism from practice to methodology. The key moment in the history studies is the criticism of the methodological holism which is imputed of epistemological limitations, apriority, and ideology. The concept of Watkins' methodological individualism is based on the principles of induction and societal individualism. Using the induction method creates new prospects in the studies of a historical source and opportunity to interpret events and create historical integrity from the new perspective. Within the concept of the methodological individualism, the studies of history are considered as a bidirectional process of connecting internal action mechanism of a human to external influences. The methodological research of J. Watkins is centered on a human being considered as an acting element of historical events. It is important for Watkins to address the issues of studying historical events functioning beyond the borders of non-personified history but having an influence thereon. This is consonant with the methodological researches and investigations of microhistory and macro tendencies of the global history. Addressing the problem of the historian's personality, their worldviews and their role in the history studies, J. Watkins notices that regardless their methodological preferences historians remain within the bounds of their own view of historical situation, their convictions and illusions. Watkins' methodological concept is a good object of reflections in the frame of modern writing history. Using his concept of an individualistic ideal type enables historians to avoid the traps of subjectivism and their own mental preferences when studying and writing history.

Keywords: methodological individualism, methodological

holism, John Watkins, philosophy of history, methodology of history, new history, history of culture.

References

Chmielewski, A 2001, 'Holizm i indywidualizm w naukach społecznych', *JWN Watkins, Wyjaśnienie historii. Indywidualizm metodologiczny i teoria decyzji w naukach społecznych*, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, Wrocław.

Iggers, GG 2010, *Historiografia XX wieku. Przegląd kierunków badawczych*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa.

Kelley, DR 2009, *Granice historii. Badanie przeszłości w XX wieku*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa.

Repina, LP 2010, 'Teoreticheskie novatsii v sovremennoy istoriografii' ["Theoretical innovations in modern historiography"] *Kharkivskyi istoriografichnyi zbirnyk*, V. 10, pp. 10-40.

Watkins, JWN 2001, *Wyjaśnienie historii. Indywidualizm metodologiczny i teoria decyzji w naukach społecznych*, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, Wrocław.

White, H 2010, *Poetyka pisarstwa historycznego*, Universitas, Kraków

Zdybel, J 1997, *Filozofia Robina George'a Collingwooda [The philosophy of Robin George Collingwood]*, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, Lublin.

Надійшла до редколегії 15.05.2013 р.

УДК 1(091) (477) (141.319.8)

Чернишов В. В.

Полтавський національний технічний університет імені Юрія Кондратюка

АНТРОПОЛОГІЧНЕ ВЧЕННЯ Г. СКОВОРОДИ

Статтю присвячено розгляду антропологічного вчення Г. Сковороди. Аналізуючи основні концепти сквородинівського дискурсу, автор робить висновок, що в основі антропології українського мислителя лежить вчення про людину як мікрокосм, котрий, у свою чергу, осмислюється як образ другої іпостасі св. Трійці – божественного Логосу, що у контексті людської історії знайшов своє виповнення у особі Ісуса Христа. Виходячи з цього, головним завданням людського життя, за Сковородою, є досягнення обоження людського єства, що здійснюється через відкриття у собі Божественного образу й узгодження з ним образу власного життя.

Ключові слова: антропологія, Боголюдина, «внутрішня людина», Григорій Сковорода, «зовнішня людина», образ Божий, серце.

Дослідження спадщини Г. С. Сковороди є однією з пріоритетних галузей вітчизняної історико-філософської науки. В контексті філософії Г. С. Сковороди одне з центральних місць посідає антропологічна проблематика – вчення про людину. Незважаючи на те, що антропологічна концепція Г. С. Сковороди неодноразово ставала предметом наукового дослідження, й у значній мірі здобула свого висвітлення у численних історико-філософських працях вітчизняних і зарубіжних дослідників творчості українського філософа, проте, навіть до сьогодні залишається питання й відчувається брак цілісного погляду на сквородинівську концепцію людини. Втім, від прояснення теоретичної позиції українського мислителя багато в чому залежить як сприйняття та можливість вірної історико-філософської та історико-культурної оцінки його постагі, так і можливість інтерпретації, подальшої рецепції та творчого продовження тієї традиції філософування, яка була започаткована українським філософом.

Серед праць, що стали міцним засновком й уможливили появу і цієї роботи потрібно згадати роботи Г. С. Аляєва, Д. І. Багалія, В. В. Зеньковського, В. Ф. Ерна, А. Е. Каложного, О. М. Кривулі, В. П. Манженка, М. В. Поповича, Л. В. Ушкалова, Д. І. Чижевського, В. І. Шинкарука та деяких інших. Особливо потрібно відзначити знамениту працю В. Ерна, котрий взагалі вважав антропологічну проблематику «першою рисою» й висхідним пунктом усього вчення Сковороди, говорячи про його «глибокий й беззастережний антропологізм» (Ern 2000, p. 492) [1, с. 492], – з цією думкою дозволимо собі не погодитись, наполягаючи на тому, що вчення Сковороди зростає радше на космологічному ґрунті; а також численні роботи, присвячені дослідженню філософії серця й концептів «внутрішня й зовнішня людина», «земна й небесна людина», тощо. З огляду на все вищесказане, потрібно зазначити, що дане дослідження має на меті здійснити цілісне критико-аналітичне дослідження антропологічного вчення Г. С. Сковороди.

За відправний пункт своїх концептуальних побудов Г. Сковорода бере космологію. Космос, як єдине й

гармонійне ціле, знаходиться в колі постійної уваги українського мислителя. Цей космічний акцент у Сковороди настільки сильний, настільки «відчутний», що навіть конкурує з його *головною темою* – темою Бога та боголюдської єдності. Ця конкуренція навіть давала певні (хоча й не дуже міцні) підстави для ототожнення цих двох тем й ствердження окремими дослідниками (особливо за радянських часів) ідеї про те, що світогляд Г. Сковороди мав пантеїстичний характер. В літературі, присвяченій Г. Сковороді та його філософії, вже давно стало «загальним місцем» ствердження «вчення про три світи», яке знаходить безпосереднє підтвердження у творах мислителя: «Не прекрасный ли храм премудраго Бога мир сей? Суть же три мыры. Первый есть всеобщий и мир обительный, гдѣ все рожденное обитает. Сей составлен из безчисленных мир-мыров и есть великий мир. Други два суть частныи и малыи мыры. Первый микрокосм, сирѣчь – мырик, мирок, или человек. Второй мир символический, сирѣчь Библия» (Skovoroda 1973b, p. 137) [4, p. 137].

Онтологічна структура космосу, у Сковороди, розділяється на три взаємозалежні рівні: фізичний, антропологічний та символічний. Перший з них є базою й, так би мовити, «матерією» для двох інших, в яких у повній мірі розкривається творчий Божественний задум про створіння. Великий світ є великою будівлею й помешканням численних створінь, кожне з яких, за задумом Творця, мусить займати у ньому певне місце й виконувати певну корисну функцію. Втім, на думку Г. Сковороди, у світі існує одне створіння, про яке Божественний Промисел піклується у особливий спосіб – людина (Skovoroda 1973a, p. 147) [3, с. 147]. Людина представляє собою, з одного боку, окрему «частину», певну «річ» великого світу, з іншого ж – сама є маленьким світом (мікрокосмом), що обіймає у своїй свідомості і сам великий світ, постійно прагне вийти за його межі.

Проте, що ж таке людина у розумінні Г. Сковороди? У українського філософа присутні принаймні чотири різні розуміння людини, що визначаються через концепти: «небесна (істинна, Господня, духовна) Людина», «земна